

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ ЗАНЯТИЕ В МИРЕ»

занятие в мире. Совершенно чистый творческий процесс. Создание фильма — что-то другое. Это очень трудно. Оно требует, чтобы вы верили: то, что делаете в каждый момент, крайне важно. Это своего рода навязчивая идея».

Потрясающее наваждение, несомненно: Бергман был плодовитым, щепильным и вдохновенным. Его фильмы богаты интеллектуальными глубинами и эмоциональной подлинностью, полны классической символики и современно-го звучания, и никаких полицейских погонь или криминальных дурачеств. Не-что вроде «Седьмой печати», смешавшей в средневековом духе шутовство и метафизические игры в шахматы со Смертью. Фильм отражал мироощущение поколения или двух многообещающих интеллектуалов. Многие из его поклонников выросли в режиссеров. Вуди Аллен считает, что Бергман, «возможно, величайший кинохудожник с момента изобретения кинокамеры». Тридцатилетний британский вундеркинд Кеннет Брана, который ставил и играл в версии шекспировского «Генриха V» (1989), говорит об автобиографии Бергмана: «Я люблю его голос. Это необычайное сочетание. Это необычайное сочетание мечтательности и твердой практичности. Тот, кто чувствует себя художником, знает, как необходимы оба эти качества, чтобы чем-нибудь добиться».

Даже старым друзьям не удается заставить Бергмана объяснить, почему он прекратил снимать кино, но коллеги говорят, что его душераздирающая жажда совершенства усугубляется экзальтированными ожиданиями других. Его также беспокоят возраст, здоровье и запас жизненных сил. Говорит Биби Андерссон, чья карьера у Бергмана началась с «Улыбок летней ночи» в 1955-м

и включает «Земляничную поляну» и «Лицо»: «Обычно проходит два года с момента, когда Ингмар начинает фильм и садится его монтировать. С пьесой он может работать год, но релетирует восемь недель, и все готово».

Эрланду Йозефсону было всего шестнадцать, когда он впервые встретился с неистовым 21-летним Бергманом в студенческой работе «Венецианский купец» в 1939 году. Он говорит, что отход от кино в основном результат утраты сил: «В кино он должен являться каждый день и быть на высоте, он не может быть больным или рассеянным, потому что сцена никогда не повторится. В театре завтра у вас будет новый шанс».

Нет ничего скороспелого в постановках, которые он отправил в Америку. Каждая сделана мастерски, исправно. Их объединяет общая тема — беспомощная судьба женщины, не имеющей работы и места во внешнем мире и зависящей из-за денег от мужчины. В каждой текст был чуть-чуть подработан, чтобы соответствовать видению Бергмана, но так тонко, что только тот, кто знает пьесу, мог бы заметить, что упущено или заменено. Например, из трех детей, которых Нора Хельмер оставляла в финале «Кукольного дома», в спектакле был оставлен только один для того, как говорит Бергман, чтобы усилить ужас детской брошенности.

Заглавный характер «Фрекен Юлии» в исполнении захватывающей дух красавицы, кинозвезды Лены Олин («Враги», «Невыносимое счастье бытия») был обезображен шрамом на все лицо от «несчастливого случая» более неопределенно отмеченного в предыдущих стандартных версиях текста. Бергман говорил актрисе: «Пьеса о трех душевных ранах Фрекен Юлии, а это позволяет

воочию видеть первую из них. Есть люди в этом мире, избравшие свою участь нести бремя грехов других людей. Она — одна из них».

Бергман отказывается объяснять причины переделок: «Если вы видите, что я делаю, о'кей. Что бы вы ни чувствовали — ваше личное дело. Я всегда не видел комментировать свою работу. Даже на шведском я не могу найти нужных слов. Я могу подыскать правильные слова для мужчины или женщины, которые спрашивают, но не для себя. Правду невозможно выразить, потому что вы и не хотите поведать свою правду. Тем не менее я хочу рассказать людям правду о себе, она уже в том, что я сделал».

Большинство из его стокахольских коллег уверены, что Бергман никогда не достигал большего самораскрытия, по крайней мере в интерпретации другого автора, чем в «Пер Гюнте». Он начал с шока: главный герой, мужчина средних лет, и его мать встают из одной постели. Андерссон, играющая мать, полагает, что это еще не означает инцест, хотя, конечно, похоже на то.

Каждый режиссер просеивает «Пер Гюнта», чтобы выразить свои собственные тревоги. Некупированная версия могла бы занять семь часов и была признана «неиграемой» самим Ибсеном. Бергман жертвует эпичностью ради мрачного комизма. И хотя действие происходит и в мире, и в королевстве троллей, в спектакле оно разворачивается в стенах крестьянского отчего дома, — с намеком, что вся фабула может и отличаться от диких фантазий Перя. Или по крайней мере с напоминанием, что человек никогда на самом деле не оставляет свое детство в материнских руках.

Зрелище изобилует визуальными ци-

татами из позднего Бергмана, особенно заметно сходство «таинственного пассажира», встретившего Перя на борту корабля, со Смертью из «Седьмой печати».

Андерссон полагает, что Бергман подходит «Пер Гюнта» превосходным и относится к нему как к своей лебединой песне на немзыкальной сцене. Но Ларс Лёфгрен, художественный директор Руаяль Драматик, говорит, что Бергман почти мистически сосредоточился на словах, сказанных Перу: «Ваша последняя строчка еще не произнесена. Вы не умрете в середине пятого акта».

И Йозефсон сомневается, что Бергмана может что-либо остановить, кроме полной немощи: «Его работа — это его единственная «общественная жизнь». Он пробует различные жизненные проявления через актеров, и таким образом он может уверенно ими управлять. Ингмар ненавидит все виды неожиданностей, а настоящая общественная жизнь полна неожиданностей. Когда вы ставите, у вас могут быть художественные неожиданности, даже если вы обладаете ощущением власти».

Что касается Бергмана, он настаивает на том, что «уже удалился от дел», если бы, конечно, не создание совершенно новой оперы. Основная цель его жизни, говорит он, соединиться с природой на острове, открытом всем ветрам, где он нашел приют 25 лет назад и где уже целый год живет один.

«Когда вы заняты работой в этом удивительно артистическом деле, природа — лучшее из лекарств, она возмещает утраченные свойства». Но если жизнь на острове, уход из кино и отказ строить будущие планы сделали его счастливым, то это суровое счастье.

«Здесь так красиво сегодня, — говорит он. — Идет дождь, по-настоящему штормит. Волны холодные и большие, ветер свирепый. Я собираюсь совершить долгую, долгую прогулку в лес».

Би УИЛЬЯМС.

СТОКГОЛЬМ.